

К 250-летию
со дня рождения
Г. Р. Державина

Виктор СОСНОРА

«Нет! Сила в том, чтоб дух пылал...»

Заметки об Учителе

ШКОЛЬНИКУ и населению Державин — факт истории, студенту и академику — древняя литература, критику и издателю — некоммерческий автор. Абсурд книгопечатников: их головы напрочь оторваны от нюансов читательской эстетики, у них нет маневра, они думают о сиюминутных миллионах. Рынок? Отнюдь. На Западе это называется прикармливанием масс. И там существует множество специздателств, эстетических, которые процветают, кстати. До этого нам далеко. У нас читателя считают животным, а оно ест, что дают. Ест, если нечего есть. Между тем пять лет назад Державин был издан тиражом 200 тысяч экземпляров. Найдите сейчас эти «Оды» и «Записки» — все на полках у тех, кто любит. Я не думаю, что Державин может быть у всех на устах, как, скажем, Высоцкий, но двести тысяч любителей его поэзии — гигантское число для поэта, писавшего 200 лет назад. Это делает честь любящим и подчеркивает нашу политизацию.

Грохот Державина мним, его выдумали мифоманы. Державин был гром посреди Екатерининского неба, где закатывались два светила: Ломоносов-риторик и его друг Барков, чудак-роково. Остальных оставим, официоз. Обойдем Тредиаковского, лингвистического. Державин — первый русский поэт, великий, оригинальный, читаемый, живой и живописный, кумир всех видов публики конца XVIII и начала XIX века. И тут мы перейдем к проблемам «формы и содержания». Содержание: о чем писал Державин первого периода, до отставки (1803 г.), — дневник вельможи, то льстивый, то язвительный, о всех государственных мероприятиях, и иногда такие звучные, гениальные оды, как «Водопад», «Бог», «Снигирь»... Скажем о форме — но как писал? —

есть законы жанра, и в одах Державину нет равных. Он умел оживить риторику могучей метафорой и живыми лицами. Кому ни к чему торжественный слог, тот может взять стихи второго периода, «Анакреонтические песни», они интимны, но, уввы, «теплоты» в них нет, эта «теплота» вообще-то не факт великих поэтов, а свойство батарей парового отопления. У любимого Пушкина нет тоже «теплоты», а есть звонкая печаль, да и то нечасто. Державин в отставке — это пиры, птицы, кузнечики, рекем собаче, флирт патриарха и т. д. Стих чист, ясен, прекрасен. Архаизмов нет. И так, все аспекты своего времени явлены у Державина в картинах, и дворцы, и хижины он изобразил в титанической живописи. Этот путь повторяют потом во всех подробностях Лев Толстой и Владимир Маяковский.

Оценка Державина современниками единогласна: Первый и Великий. А через 200 лет и мы прибавим: Учитель, и проследим, почему он Учитель русской литературы. В этих заметках не место литературоведческому анализу, нужна книга, а ее нет. Мне ясно одно: отсчет от Пушкина, мягко говоря, натынут. Пушкин пишет Дельви-гу: «...Перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка... Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения». Этот отзыв, конечно же, не более чем полемический запал юноши, эпистолярный. Гений гармонии, крайний индивидуалист Пушкин в трудах и днях создания своей системы отказывается понимать, что существуют различные

гармонии. К примеру, Жуковский, Пушкин, Фет, Блок — мистико-музыкальны, а Державин — архитектор; они сходятся и расходятся, взаимодействуют. Пушкин отрицал «правила стихосложения» у Державина, однако он начинал, калькируя конструкции Учителя, через десять лет модернизировал его строфы в «снегинскую строфу» и, пройдя свой путь, пишет завершающую поэму «Медный всадник», где картины типа «тяжелозвонкое скаканье по потрясенной мостовой» многочисленны и чисто державинские. Начал Учителем и кончил им же. У Пушкина формально учиться нечему, его высшая одухотворенность генетична и не может иметь последователей, этому не научит никто. Но формы движения русского стиха мы видим во всех вариантах у Державина — у Пушкина их нет, у него полет.

Гоголь пишет: «...Исполинские свойства Державина... превращаются вдруг у него в неряшливость и сезобразие, как только оставляет его одушевление». Не унижай Учителя этой сразой, она неряшлива и по мелочам. Таким путем Гоголь декларирует свою любовь к Пушкину, знаменитейшему другу. Не был ему другом Пушкин, не был близок, космоголии Гоголя от единственного учителя — Державина, и еще прямые ученики Державина: Языков, Дельвиг, Кюхельбекер, Тютчев, Андрей Белый, Хлебников, Мандельштам, Цветаева, уже сказанный Маяковский, Хармс, Заболоцкий. Получается, что «генеральная линия» нашей поэтики — державинская.

Еще: о жизни, о власти. Поэт — не властитель дум своего поколения. Это отпетая чепуха. Поэт — это нервная

система, картины и звуки, вообще-то говоря, людей. Простите, но тут он властитель тех, кто читает. Державин не единственный прецедент губернаторства поэтов. Он громкий случай. Его биография — прецедент, потому что ни один русский поэт не имеет биографии. Курортные ссылки, дуэли девятнадцатого и казни-самоубийства двадцатого века — конъюнктура и мода, но не биография. Линия Державина — потомок знатного мурзы Баг-рима, солдат гвардии, агент тайной полиции, шулер, кабинет-секретарь Екатерины II, правитель канцелярии Госсвета при Павле, министр юстиции при Александре и в отставке — сибиар. Все совместимо. А Грибоедов был послом в Персии, Тютчев — дипломат, Вяземский — зам. министра просвещения, Салтыков-Щедрин — вице-губернатор — нормально, умные и талантливые востребованы властью. В Греции и Китае поэты были и правители, и полководцы, а в Иудее и в Индии — цари. Начиная с хрущевской «оттепели» наши поэты учат английский, чтоб в случае чего стать в Америке профессурой. Становятся. Стихи пишут те же, советские, но с прикусом made in USA. Оставшимся в среде юным русским поэтам я посоветовал бы учить русский язык по Державину, и тогда к зрелости распускаются для них цветы Пушкина и Хлебникова.

Учитель косноязычен, как все первооткрыватели. А для любителей ясности я позволю себе процитировать стихотворение Державина «Мореходец»:

Что ветры мне и сине море?
Что гром, и шторм, и океан?
Где ужасы и где тут горе,
Когда в руках с вином стакан?
Спасет ли нас компас, руль,
снасти?

Нет! сила в том, чтоб дух
пылал.

Я пью — и не боюсь напасти,
Приди хотя девятый вал!
Приди и волн зная утроба!
Мне лучше пьяным утнуть,
Чем трезвым доживать до

гроба
И с плачем плыть в толь
дальний путь.